

АННА ГАЛАЕ

ЗАПАХ

НЕИЗВЕСТИМ

ВИЛА-1

18+

Анна Гале

Ви́ла-1. Запах ненависти

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гале А.

Вила-1. Запах ненависти / А. Гале — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В селении ненавидят тех, кто отличается от обычных людей, а юная Илиана наделена особым даром. Она может подчинить себе воду, лечит людей травами, слышит запахи, каких не дано услышать никому другому. Девушка любит людей, но становится изгоем, селяне с радостью отдают её на забаву "хозяевам леса". Илиане суждено стать игрушкой для стаи оборотней. Теперь девушка знает запах ненависти. И только теперь представляет, насколько силен её дар...

© Гале А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

При оформлении обложки использовался фрагмент изображения (ССО), взятого с сайта <https://pixabay.com/ru/%D0%B1%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D1%8F-%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8-%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D0%BE%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-2321804/>

Глава 1

Я не помню свою мать. Может быть, я никогда не видела её. Отец и бабка говорили, что мама сбежала после моего рождения. "Упорхнула", – как любил повторять отец, промочив на ночь горло чаркой-другой крепкого вина.

От мамы мне осталось только имя – Илиана. Необычное, нежное, совсем не похожее на имена селян. Такое имя мне могла дать только она.

Я не осуждаю свою мать. Если бы могла, я тоже бежала бы из селения. С детства я привыкла к косым взглядам и шёпоту за спиной: "Ведьино отродье!" Когда я была маленькой, мне говорили, а то и кричали это в лицо. Так было до одного случая.

Когда мне было лет шесть, на меня налетели на улице мальчишки. Я ещё не понимала, насколько отличаюсь от других. Уже тогда я умела делать такие вещи, каких не мог повторить ни один человек в селении. В тот день я поняла, что мой дар для поселян – проклятый, и его нужно скрывать.

Как сейчас помню, я увидела терновый куст. Он погибал неподалёку от высохшего колодца. Я чувствовала, как больно растению, в воздухе витал сладковато-удушливый запах смерти. Земля была усыпана засохшими белыми цветками: этим годом кусту не суждено было дать плоды. Каждая ветка медленно умирала, всё сильнее усыхая изо дня в день. Терновнику оставалось меньше недели, а ведь спасти его было так просто – по крайней мере, для меня. Вода проходила недалеко, я чувствовала, как она движется под землёй. Мне было понятно: надо всего лишь позвать её к изнемогающему от жажды кусту, и он оживёт.

Я присела на корточки и положила руки на землю.

– Иди сюда, водичка, иди сюда, – тихо повторяла я.

Да, вода была совсем недалеко под землёй. Она двигалась по забытому пути, расширяя себе дорогу к колодцу. Я слышала тихое, мелодичное журчание – родник отвечал мне песней. Вот куст почувствовал облегчение, его корни освежила влага. Я улыбалась: запах смерти отступал, постепенно развеивался в воздухе. Скоро от него ничего не останется. А в будущем году на этом кусте снова появятся мои любимые белые цветы и пропитают воздух тонким ароматом.

Что-то больно ударило по щеке, сбивая с лица улыбку. Рядом упали камни, сначала маленький – тот, что меня задел, затем – большой, с мой кулак. Ещё один больно ткнулся в моё плечо.

Я вскочила. Шагах в десяти стояли четверо мальчишек ненамного старше меня. Дети жестоки, они с хохотом показывали на меня пальцами.

– Она говорит с кустом!

– Ничего, мы отучим её от этого!

Я успела отшатнуться в сторону от следующего летящего в меня булыжника.

– Ведьино отродье! – кричали они.

– Таких побивают камнями!

– Смотри, сейчас я попаду ей в лоб!

Я отступала, в ужасе оглядываясь по сторонам. Толстая старуха Лиада выглянула из-за крепкого забора своего дома и одобрительно улыбнулась. Её лицо выражало полное согласие с тем, что происходило у колодца. Отец одного из мальчишек – красивый мужчина из уважаемой в селении семьи, – стоял в стороне и усмехался. Встретившись со мной взглядом, он сплюнул. Ещё в одном дворе возились в огороде две женщины. Они отвлеклись от засыхающих капусты, моркови и гороха и с любопытством уставились на нас.

Помощи ждать было неоткуда. Мне хотелось кричать и плакать, но я понимала, даже тогда, в шесть лет, что это только раззадорит зверёнышей с камнями. Они окружали меня, отрезая путь к дому. Да и стоило ли бежать? Каждый из них был сильнее и бегал быстрее, чем я.

По щеке текла кровь – тёплые красные капли падали на землю. Мой взгляд остановился на самом крепком из мальчишек – Ремзае. Именно его отец с одобрением наблюдал за этой расправой как за безобидной игрой. Мальчишка собирался швырнуть в меня камень, который еле умещался в его руке. Я вновь ощутила в воздухе запах смерти – вязкий, удушливый, он становился всё сильнее. С того времени я знаю, как пахнет моя смерть.

Я понимала, что через мгновение камень может разбить мне голову. А потом маленькие звери добьют меня. Меня не станет, а они будут жить, будут в этом селении уважаемыми людьми, когда вырастут. Особенно Ремзай, с такой-то семьёй. Мимо всех, кто сейчас рядом, пройдут ещё много зим и лет...

– Ненавижу!

Мне казалось, что я еле выдохнула это слово, но оно стремительной птицей пролетело над улицей. Женщины на огороде скрючились, зажали уши. Толстуха Лиада присела и спряталась за забором. Камень задрожал в высоко поднятой руке Ремзая: мальчишка как раз замахивался для очередного броска. Я не могла отвести взгляда: рука с камнем тряслась всё сильнее, а потом пальцы Ремзая разжались, и камень тяжело шмякнулся на его плечо.

– Я не могу шевелить пальцами! – завопил рядом с ним другой мальчик.

– У меня рука не разгибается! – взвыл третий.

– Ведьма! Ведьма! – яростно повторял отец Ремзая.

Он уже подбежал и пытался силой опустить трясущуюся руку сына. Хорошо, что первым делом он кинулся к мальчишкам, а не ко мне, иначе я не прожила бы и минуты.

Я задышалась от ужаса. Что селяне могут сделать с ведьмой? Побить камнями не получилось – значит, сожгут. По телу прошла дрожь, когда я представила, как огонь лижет мне ноги, охватывает юбку, добирается до длинных распущенных волос.

Но какая из меня ведьма? Я ведь и не делала ничего, чтобы мальчишки остановились. До сих пор не могу понять, что произошло в те несколько мгновений. Знаю одно: в селении никто и никогда больше не пытался бросить в меня камнем.

В голове грозной сверкающей молнией пронеслась мысль: надо бежать! Пока никто не опомнился, надо бежать! И я, путаясь в старой, кое-как перешитой бабкиной юбке, держась за ноющее плечо, кинулась по улице. Грубые деревянные башмаки сбросила на бегу – они болтались на ногах и слетели легко. Один из башмаков с глухим стуком ударился в забор дома Лиады. Промелькнули перед глазами несколько дворов – и я помчалась по тропе через луг к лесу. Сухая трава приятно щекотала босые ноги, ветер свистел в ушах. В этот миг мне казалось, что стоит развести руки – и я полечу, как птица, над лугом, над лесом, далеко-далеко. Упорхну от селян, как моя мать.

Скоро полумёртвый луг оживёт, вода дойдёт и до него. За мной, водичка, сюда...

– Стой, ведьма!

– Мерзавка!

Голоса слышались далеко. Я не оглядывалась. До леса оставалось совсем немного, а там так легко затеряться в высокой траве, густых колючих кустах ежевики, за вековыми деревьями. Да и бояться селяне этого леса. Сколько себя помню, всё время слышала, что нечисть в нём водится. Если люди и заходили в лес, то недалеко, по несколько человек. И обязательно мужики брали с собой ножи и луки с колчанами, полными стрел.

Среди деревьев было удивительно спокойно. Я лежала в траве и вслушивалась в тишину леса. Она была соткана из множества еле уловимых звуков – шелеста листьев над головой, полёта стрекоз, жужжания диких пчёл, цокота невидимой за ветвями белки...

Лес жил своей жизнью, и в тот день я ощущала себя его частью, такой же как трепещущая листьями осина, ручей с прозрачной водой, кусты ежевики, усыпанные ароматными сочными ягодками.

Мои пальцы скоро потемнели от сладкого ежевичного сока. День был жаркий, но вода в ручье всегда холодна, и от неё приятно занули зубы. Мягкая трава щекотала мои босые ноги. Заходить далеко в лес я побоялась. Здесь меня никто не искал, опасности я не чувствовала, а вот что таится вдали, среди густо растущих деревьев, – неизвестно. Все селяне говорили – там опасно, хотя и не рассказывали детям, что именно скрыто в лесной глуши.

Когда начали сгущаться сумерки, я зачарованно смотрела, как одна за другой загораются на темнеющем небосводе крошечные точки-светлячки, как почти круглая бесплотная луна становится жёлтой, обретает плоть, покрывается морщинками. Когда ночь полностью укрыла лес прозрачной чернотой, я отвела взгляд. Пора было подумать о ночлеге. Опасно спать в лесу на земле. Кто знает, какой зверь или недобрый дух может выйти из чащи!

Я сморгнула. Накликала! Из темноты, из-за куста ежевики блестели две точки с красным отсветом. Глаза зверя! Я затаила дыхание, прислушиваясь к своим ощущениям. Вокруг по-прежнему пахло ежевикой, пряными травами, горькой корой деревьев, свежестью ручья. Опасности я не чувствовала. Зверь не собирался нападать, он просто наблюдал за мной. В темноте было непонятно, кто это. Я видела только, что он большой, глаза зверя были на уровне моих или чуть выше.

– Вот кто, оказывается, есть в селении, – протянул с той стороны хриловатый голос.

Теперь мне стало страшно. Я не чувствовала поблизости человека. Рядом был только зверь. Но кто-то же говорил?

– Илиана! – донёсся с края леса грубый голос отца. – Где ты, маленькая дрянь?

– Илиана! – крикливо перебил его старейшина нашего селения. – Клянусь, никто не причинит тебе зла! Отзовись!

– Илиана! Илиана! Илиана!..

Голоса приближались с разных сторон. Я не отводила взгляда от красноватых глаз зверя. Может, мне послышался хриплый голос?

– Мала ещё, но дар чувствуется, – продолжил он. – Я уж думал, не осталось в наших краях таких, как ты.

Что было дальше, я помню плохо. Кажется, я вскочила и побежала на голоса, что-то выкрикивая во всё горло. Несколько мужчин с факелами в руках и луками через плечо спешили ко мне с разных сторон. Руки старейшины не по-старчески крепко схватили меня за плечи.

– Зверь! Он говорил, – выпалила я.

– Заткнись, ведьмино отродье! – буркнул отец. – Бросить бы тебя тут!

После вечерних "парочки чарок" он еле держался на ногах.

– Перестань, Гирх, – оборвал моего отца старейшина. – Совет решил, что девочка будет жить в селении.

Гораздо позже я поняла, почему селяне не убили меня, не изгнали и даже отправились искать ночью в лес. Засуха тем летом была страшная, а я на глазах у нескольких человек привела воду к терновому кусту.

Наутро меня отправили к колодцу, чтобы я продолжала призывать подземные родники. Никто не смел мешать мне, и я постепенно наполнила оба колодца поселения водой, оживила поле. Каждый день на пороге появлялся кто-нибудь из селян с просьбой привести подземные родники в погибающий сад или огород. Просители приходили с подарками для отца и бабки: табаком, пёстрой вышитой шалью, башмаками, сладкими пирогами, корзиной яиц, бутылкой браги... Но для меня у селян не находилось ни подарка, ни даже доброго слова.

Я часто ловила на себе неприязненные взгляды тех, кто просил о помощи. Так смотрят на кучу навоза для удобрений: противно, воняет, но без него не обойтись. Такими взгляды селян оставались и в следующие годы.

Когда мои ровесники искали себе пару, на меня никто даже не смотрел. Иногда я слышала шёпот в спину: "Ведьма!"

В лес я ходила только днём. Часто возникало ощущение, что за мной кто-то наблюдает, хотя поблизости не было видно ни человека, ни зверя. С годами мне стало казаться, что никакого голоса не было, что он просто послышался мне с перепугу. Может быть, не было даже красноватых глаз, и я видела всего лишь пару светлячков за кустами.

Темно в лесу запретном, страшно человеку простому. Всё кажется, будто зверь опасный за деревьями таится, будто зло древнее во тьме пробуждается, будто темнота оживает да тянется навстречу. Не боится леса одна лишь ведьма селения. Идёт-бредёт во тьме по тропинке, волками протоптанной, песню поёт:

– Во зелёной травушке мы с тобой свадебку играли,

Пировали с нами ворон, да осина, да ручей,

Ворон песни пел свадебные,

Осина ложе скрыла брачное

Ручей следы укрыл от глаз людских, чёрных да завистливых...

Показалась из-за дубка молодого тень знакомая, родная. Кинулась ведьма любовнику на шею.

– Беда, сокол мой ясный, беда!

– Прослышал я уже всё, – улыбается он, губами шею ведьмину щекочет. – Не беда это, душа моя. Не бойся, не оставляю я тебя, избавлю от нелюбого.

Руки его сильны, губы ласковы, слабеет в объятиях любовника ведьма. Опускает он её на мягкую шёлковую траву под осинкой.

– А если уйти нам? – шепчет она. – Туда, где нас никто не знает! Жить как муж с женой, не разлучаться...

– Не могу я уйти, – вздыхает он. – Рад бы, душа моя, да не могу. Вдали от людей мне надо быть, с такими, как я. Есть только одна надежда...

Головой качает ведьма.

– Не по сердцу мне эта затея.

– Не хмурься, милая. Всё сделаю, чтобы вместе нам быть. И от нелюбого избавлю, и...

Закрывает ему рот поцелуем сладким ведьма. Шумит над ними листьями осина, журчит недалече ручей. Не ходит никто по лесу ночью, не увидят селяне любовь запретную.

Глава 2

Однажды вечером в дверь нашего домика постучали – решительно, властно. Я услышала, как испуганно скулит во дворе собака. Кто бы это явился, что на пса страху навёл? Время было позднее, в селении многие в такую пору уже спать собираются. Я латала отцовскую рубаху, бабка покряхтывала на печи, устраиваясь поудобнее. Отец допивал вторую чарочку.

– Заходи, кого там в такой час принесло! – крикнул он.

Дверь распахнулась. Из темноты на слабый свет свечи шагнули двое мужчин. Незнакомые, из тех, кого у нас называют "пришлыми". Оба темноволосые, безбородые, мускулистые, в незастёгнутых полотняных рубахах. Без оружия, без мешков, с какими ходят странники.

– Хорошего вечера, хозяин, – произнёс гость постарше. Его брови срослись на переносице, придавая пришлому сердитый вид.

Мужчины коротко поклонились. Отец ответил им хмурым взглядом: в селении незнакомцев не любили, а уж на незваных ночных гостей многие из селян могли и собак спустить. Бабка что-то заворчала на печи себе под нос.

– На ночлег не пушу, места нет, – невнятно буркнул отец.

– Так мы и не за ночлегом, – бойко вступил второй, сверкнув шальными глазами. – Дело есть важное. Как говорится, у вас, хозяин, товар, у нас – купец!

Я чуть не выронила иголку и машинально воткнула её в рубашку. Отец выпустил из нетвёрдой руки пустую чарку. Она глухо стукнулась о неровный досчатый пол и распалась на несколько частей. Отец грязно выругался. Бабка свесила лохматую голову с печки, подслеповато прищурилась.

– Это вы кого сватать-то собрались, а? – ехидно спросила она. – Это откуда ж для ведьмина отродья женишок выискался?

Мужчины быстро переглянулись.

– Не твоё то дело, откуда, – неожиданно грубо ответил гость постарше. – Глянулась ваша девица такому человеку, какому отказывать не стоит.

В воздухе запахло опасностью, её горьковатый дух защекотал моё горло. Я чувствовала: не с добром явились на ночь глядя пришлые, не о свадьбе они думают. Но и лжи в словах незваных гостей не было, её тошнотворно-сладкого запаха я не ощущала.

– Что за человек? – в голосе отца прозвучал интерес, взгляд стал осмысленным. Таким, как обычно, когда отец чуял хорошую наживу.

– А вот этого тебе знать не надобно, – отрезал старший.

– Как так не надобно? – отец пришёлкнул языком и хитро улыбнулся. – Он, значит, мою дочку забрать хочет, единственную, кровиночку родную, сватов засылает...

– Не сваты мы, – перебил пришлый. – У тебя товар, у нас купец. Не больше того. А имя купца знать – не твоего ума дело.

Я затаила дыхание, вслушиваясь в каждое слово пришлого. Для чего бы никому не нужная девчонка, "ведьмино отродье", могла понадобиться какому-то важному человеку? В сказочных принцев и влюблённых в простых девушек королевичей я не верю с детства. В нашем селении есть свои "важные люди", вроде семьи Ремзая, и ждать от них чего-то хорошего мне не стоит. Да и ни к чему я им, а если бы понадобилась – точно не посылали бы за мной каких-то пришлых грубиянов. Значит, "купец" не из селения. Не знаю, кто он и что задумал, но ясно ощущаю – гости пришли не с добром.

– Купить, значит, хотите, – протянул отец. – И сколько ваш человек за неё даст? – глаза отца алчно блеснули.

По моему телу прошла дрожь. Он же, не раздумывая, продаст меня за пару монет и будет считать, что провернул выгодную сделку, избавился от лишнего рта. Хотя нет, отец выторгует

за меня как можно больше. Он, конечно, попытается набить цену "единственной кровиночке". Мне невыносимо хотелось бежать – прямо сейчас, куда угодно, пусть даже в лес, которого так боятся селяне. Но пришлые стояли так, что закрывали мне путь к распахнутой двери.

– Денег можешь не ждать. Если твоя вила с нами уйдёт – всё селение больших бед избежит, – усмехнулся молодой. Его шальной взгляд остановился на моём лице. – Отдавай, хозяин, дочку, дело выгодное.

Я тихо выдохнула, чуть не улыбнувшись от облегчения. Если бы гости предложили хорошие деньги, отец с бабкой отправили бы меня с пришлыми прямо сейчас. А вот угрозами незваные гости точно ничего не добьются.

Только почему молодой назвал меня вилой? В селении так говорят о ведьмах или духах из старинных детских сказок – красивых девушках с длинными крыльями и козьими ногами. Ноги у меня самые обычные, красивой меня никто никогда не называл, и летать я, конечно, не умею.

Мой рот приоткрылся от внезапного осознания. Отец говорил, что моя мама упорхнула. А вдруг она улетела на настоящих крыльях? Может, я, и правда, наполовину вила? Взлся же у меня откуда-то дар призывать воду – то, что умеют делать вилы из сказок.

– Да чтоб я свою дочь единственную, кровинушку, пришлым оборванцам на потеху отдал?!.. – с пьяным надрывом взревел отец. – Да ни в жизнь!

– Ишь какие, угрожать ещё будут! – подхватила бабка. – Сейчас народ-то кликнем – и узнаем, кто вы есть и откуда явились! Люди-и-и! – пронзительно заверещала она.

От её крика у меня зазвенело в ушах. Пришлые с усмешками переглянулись.

– Даром отдашь, – бросил старший. – Завтра сам приведёшь.

Под нарастающий бабкин визг они выскользнули во двор. Отец тяжело поднялся и двинулся к двери. Его рука пошарила за печкой. Я уже знала, что он там ищет, но всё же мне стало не по себе, когда отец вытащил остро наточенный топор.

Я чувствовала: нельзя этого делать. В пришлых ощущалась нечеловеческая сила. Они безо всякого оружия могли бы справиться с любым вооружённым мужчиной из селения. Лучше бы никому не злить незваных гостей.

На пороге отец столкнулся с Ильхом, молодым соседом. Тот запыхался, в попытке отдышаться рот его был разинут так, что виднелись крупные желтоватые зубы. Со двора слышался быстрый, неровный топот. За спиной Ильха появился его отец, ещё кто-то из темноты пытался заглянуть через их плечи в дом.

Бабка так резко замолкла, словно ей заткнули рот. Наконец-то! Её вопли были бессмысленны – пришлые никого не тронули. Истошный крик только мешал мне думать. А подумать было о чём. Откуда в такой час явились пришлые? Почему говорили так дерзко? И, главное, кому и зачем я могла понадобиться? Вопросов много, но ни один ответ в голову не приходил.

– Что случилось? – спросил отец Ильха.

Он отодвинул с дороги сына и шагнул через порог. Несколько мгновений – и дом наполнился мужчинами, сбежавшими из ближайших домов на шум.

– Пришлые ведьмино отродье забрать хотели, – заверещала бабка. – Угрожали, собачьи дети!

– Почему они называли меня вилой? – спросила я. От страха голос прозвучал непривычно резко.

– Потому что тебя родила крылатая ведьма, – каркнула бабка.

– Не время сейчас вспоминать старые истории! Где эти пришлые? – вмешался отец Ремзая.

– Так только что выскочили, – отец сморгнул. – Вы с ними должны были столкнуться.

Мужчины хмуро оглянулись на дверь.

– Не было в твоём дворе никого, – сказал Ильх. – Я первым прибежал.

– Спрятались куда-нибудь в темноте, – отмахнулся его отец. – Понятное дело, что они Илиану забрать хотели. Мало какое селение от вилы откажется. Странно только, что с угрозами явились. Пришли бы с миром, среди дня, как люди, попросили бы на несколько дней помощи. Вряд ли бы им отказали.

– Зачем я им? – насторожилась я.

– Засуха с тобой не страшна, – буркнул отец. – Любой колодец оживишь. Не понимаешь, что ли, с чего тебя тут терпят?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.